

Габор Вадерна

PhD, доцент, заместитель директора, Институт венгерской литературы и истории культуры, Университет имени Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия. 1088, Múzeum krt. 4/A.
E-mail: vaderna.gabor@btk.elte.hu

Шандор Петёфи: история литературной карьеры в Венгрии XIX в.

Шандор Петёфи (1823–1849) — самый известный венгерский поэт, двухсотлетие со дня рождения которого в свое время широко отмечалось в Венгрии. В центре внимания современников были не только его новаторские поэтические приемы, но и радикальные политические взгляды. В последние десятилетия в венгерском литературоведении наметились три направления исследований. Анализ литературного наследия Петёфи показывает, как в ходе его смелых экспериментов создавался современный язык венгерской поэзии. В центре второго направления находится личность Петёфи: изучается ее значение в формировании политики национальной памяти. Третье направление рассматривает биографию поэта в социально-историческом контексте. Анализ писательской карьеры Петёфи позволяет выявить действие различных механизмов социальной мобильности для людей интеллектуального труда. В статье карьера Петёфи рассмотрена прежде всего в социо-исторической перспективе, автор также обращается к вопросам истории создания культа поэта в истории венгерской поэзии.

Ключевые слова: поэтическая карьера, буржуазное общество, социальная мобильность, романтизм, эпоха реформ, революция 1848 г. буржуазное общество

Цитирование: Вадерна Г. Шандор Петёфи: история литературной карьеры в Венгрии XIX в. // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 63–86. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.3>.

Каждый венгр знает, кто такой Шандор Петёфи. Дети в детском саду помнят, что он носил усы и был революционером, школьники учат наизусть его стихи и рассказывают о наиболее важных событиях его жизни, и если спросить, кто самый значительный венгерский поэт, большинство венгров назовет имя Петёфи. Почему так случилось? Как поэт, живший в XIX в., стал культовой

фигурой венгерской национальной культуры? Трудно сказать, является ли этот культ следствием ряда удачных исторических совпадений или, скорее, результатом удивительной способности гения моментально улавливать суть происходящего. В самом деле, никто не оказал такого колоссального влияния на венгерскую литературу, как Шандор Петёфи. В год двухсотлетия со дня его рождения, возможно, имеет смысл подвести итоги наиболее важных связанных с ним исторических дилемм и обозначить направления исследования его личности и поэзии¹. В современной истории литературы можно выделить три направления исследований личности и творчества Петёфи.

Трудно не согласиться, что Петёфи идеально подходит на роль культовой фигуры национального пантеона. В связи с этим одно из направлений исследований сосредоточено на анализе природы культа поэта и особенностей венгерской политики национальной памяти. Историческая память конструирует идентичность, и, возможно, имеет смысл рассмотреть, с использованием каких культурных практик формировался культ поэта в памяти нации.

В данном случае объектом исследования становится не столько сам Петёфи, сколько то, как формируется венгерское «я» (если использовать термин *self-fashioning*, введенный историком ренессансной литературы Стивеном Гринблатом)². Например, после окончания Первой мировой войны среди венгров распространилась (и до сих пор имеет хождение) легенда, что на самом деле Петёфи не пал в битве при Шегешваре, но был пленен русской армией и жил в Сибири (там он женился на русской женщине и даже писал стихи на русском языке в стиле Н. А. Некрасова). Эта легенда не имеет ничего общего с действительностью, но многие воспринимают ее всерьез (некоторые приверженцы легенды отправлялись в Баргузин, а кто-то даже откопал там скелет, утверждая, что это не что иное, как останки Петёфи). История культа показывает, сколь силен в венгерском историческом воображении страх перед русскими интервентами: число сторонников легенды о Петёфи в Сибири росло, когда Венгрия вступала в вооруженный конфликт с Россией/Советским Союзом и сотни военнопленных отправлялись в Сибирь после Первой и Второй

¹ Биографию Ш. Петёфи см.: Kerényi 2008; Szilágyi 2021.

² См.: Dávidházi 1990; Margócsy 2011a; Kerényi 2022a; Greenblatt 1980.

мировых войн. Очередной всплеск интереса к легенде совпал с выводом с территории Венгрии советских войск в 1989–1991 гг.³

Впрочем, биографию можно исследовать разными путями. Петёфи не был типичной фигурой своего времени. После его смерти современники собрали бесчисленное множество свидетельств о том, что он делал, где и когда бывал. Это позволяет через реконструкцию биографии поэта в категориях «исключительной нормальности» приблизиться к пониманию социальной истории середины XIX в. Речь идет об исследовательском методе из арсенала микроистории, при котором изучается не то, что было характерно для исторического периода, а на основе особых случаев описывается, как аномалия способствует выявлению неочевидных реалий, не отраженных в традиционных источниках. В настоящей статье я применил этот метод, чтобы показать, что несмотря на атипичность некоторых поступков Петёфи, его жизненный путь помогает выявить механизмы культурных и политических институтов, действовавшие в середине XIX в.⁴

Наконец, нельзя игнорировать факт, что Петёфи был блестящим поэтом. Внимательное прочтение его стихов позволяет понять, как создавался современный язык венгерской литературы. По вкладу в венгерскую культуру Петёфи сопоставим с Гёте для немцев и Пушкиным для русских. Причина этого коренится, естественно, в поэтическом новаторстве. Петёфи создал поэтический язык с таким изяществом, что современная поэзия до сих пор находится, говоря словами Х. Блума, под «страхом влияния» национального гения⁵.

Шандор Петёфи родился 1 января 1823 г. в городке Кишкёрёш на юге Венгрии и при рождении получил имя Александр Пётрович. Родители — мещане в первом поколении, этнические словаки, избравшие путь ассимиляции в мадьярскую среду. Из-за того, что имя «Петрович» наводит на мысль о южнославянском происхождении, ошибочное мнение о сербском происхождении поэта долгое время и до сих пор встречается в популярной и даже научной литературе. Оснований считать Петёфи сербом нет. Скорее всего, в XVII в. его словацкие

³ См.: Kiss 1990; Kovács 2003.

⁴ См. наиболее авторитетное исследование в рамках этого направления: Kerényi 2008. Подробнее о концепции «исключительной нормальности» см.: Magnússon, Szigártó 2013: 19–20.

⁵ См.: Margócsy (szerk.) 2022. О теории «страха влияния» см.: Bloom 1973; на русском языке: Блум 1998.

предки переселились на юг королевства, где их имена были переделаны на южнославянский лад. Отец будущего поэта содержал скотобойню, затем получил право открыть питейное заведение и перебрался в город. В раннем детстве Петёфи дела отца шли в гору. Когда мальчик пошел в школу, родители, у которых были словацкие корни, осознанно перешли на венгерский язык. Маленький Александр сменил не одну школу. Непродолжительное время он посещал немецко-словацкую школу, но затем родители отдали предпочтение венгерской школе, понимая, что высокий уровень владения венгерским языком является одним из самых важных средств социальной мобильности в Венгрии. В школе он уже называл себя Шандором, что было венгерским эквивалентом имени Александр, и вступил в кружок самообразования, организованный венгерскими студентами. В то же время он не прижился ни в одной из школ: учеба шла плохо, финансовое положение родителей ухудшилось, часто причиной смены школы становились непомерные амбиции подростка. Несколько раз он сбегал, чтобы стать актером, что крайне не нравилось родителям; затем подался в солдаты, но его здоровье не выдержало тягот военной жизни; наконец, он сосредоточился на сочинении стихов. Тексты публиковались в литературных журналах того времени, и в 1842 г. он взял фамилию Петёфи. Поэт так и не окончил школы и не получил диплома.

Чтобы оценить значение личности и творчества Петёфи для венгерской культуры, необходимо совершить экскурс в историю. Поэт жил во времена великих перемен, которые в венгерской историографии известны как «эпоха реформ». Королевством Венгрия и великим княжеством Трансильвания управлял император Фердинанд I Габсбург (1835–1848 гг., как венгерский король — Фердинанд V). Австрийская империя состояла из отдельных автономных земель. Монарх хотел политически и административно объединить свои владения, но провинции держались за собственные политические традиции. Полиэтническое венгерское государство тоже не было единым: Хорватия обладала автономией в рамках Венгерского королевства, а великое княжество Трансильвания, где политическая элита была венгерской, со времен османского владычества XVI–XVII вв. имело собственную администрацию и государственное собрание, но управлялась напрямую из Вены⁶. Венгры хотели политического объединения

⁶ Kecskeméti 1989; Evans 2006; King 2001.

территориально разобщенного Венгерского королевства в рамках Австрийской империи, требовали для мадьяр обеспечения ведущей роли в королевстве и мечтали о коренных социальных реформах (например, об отмене неотчуждаемости дворянской земельной собственности). Начиная с 1830-х годов страна демонстрировала впечатляющие достижения: была основана Венгерская академия наук, призванная развивать венгерский язык (не только в сфере изящной словесности, но и для нужд науки, управления, армии), в 1844 г. венгерский язык заменил латынь в качестве государственного языка, народное образование и администрация перешли на венгерский, новый тип городской культуры ускорил процессы массовой ассимиляции в стране. Тем временем политика тоже изменилась. Если прежде парламент был узким и закрытым пространством коммуникации дворянского сословия (требование владеть латынью изначально ограничивало доступ в эту сферу), благодаря венгерскому языку и современной политической прессе обсуждение публичных вопросов практиковалось повсеместно, было доступно всякому, кто знал венгерский⁷.

Петёфи стал заметной фигурой венгерской культуры и политики как раз в эти годы великих изменений. Как говорилось выше, его родители приняли новые общественные реалии, выбрав для сына образование на венгерском, и он сознательно примкнул к когорте реформаторов венгерской национальной культуры. При этом его поэзия обладала мощным потенциалом, поскольку он не только комментировал современные культурные политические дебаты, но определял их направление. Как ему это удавалось?

Имя Петёфи могло быть знакомо тем, кто следил за литературными новинками, но в 1844 г. поэт буквально ворвался в венгерскую публичную сферу. Важно отметить, что как раз тогда он переехал в Пешт. В то время Буда и Пешт были двумя самостоятельными городами, вместе образуя столицу Венгрии. Здесь действовали важнейшие культурные институции: академия, университет, музей, театр, библиотеки, издательства и редакции газет. Как раз в то время немецкое население обоих городов стало постепенно переходить на венгерский язык, началась урбанизация, в результате которой Будапешт к началу XX в. превратился в один из крупнейших городов Европы⁸.

⁷ См.: Vermes 2014: 247–288.

⁸ О проблеме урбанизации и литературы см.: Vaderna 2020.

Петёфи стал помощником редактора модного журнала *Pesti Divatlap* («Пештский модный журнал»). В то время это был важный орган современной прессы. В каждом выпуске печатались так называемые модные картинки: на цветных гравюрах изображалось, как должны одеваться дамы и господа, чтобы не отстать от европейской моды. В журнале также печатались стихи, рассказы, путевые заметки и статьи информационного характера. Текстами и иллюстрациями модный журнал транслировал читателям обоих полов буржуазный образ жизни. Он был доступен далеко не всем, но публикации помогали составить представление о стиле, которому следует соответствовать. Неслучайно популярной темой модных журналов стала новая форма городской культуры, «прогулка по городу», когда человек бродит («фланирует») по городу и получает удовольствие от созерцания культурных объектов⁹. Современный горожанин не только создавал новую, урбанистическую культуру, его опытный взор искал и находил ее буквально во всем. Как редактор, Петёфи активно вступал в дискуссии по вопросам, волновавшим читателей: его редакционные сообщения были остроумными, статьи — захватывающими, стихи звучали по-новому.

Петёфи по-новому, профессионально, подошел к использованию, говоря современным языком, средств массовой информации. Он постоянно находился в центре событий; его публикации были на слуху; на критику он реагировал сразу и беспощадно (некоторым грозил вызовом на дуэль). Представление о нем складывалось из этой вездесущести, и вскоре в глазах аудитории его фигура приобрела культовый характер. Это требовало от Петёфи подпитки созданного имиджа, поэтому он, помимо прочего, внимательно следил за тем, как его лицо изображали на рисунках и гравюрах¹⁰. Наконец, поэтическое творчество стало для Петёфи разновидностью предпринимательской деятельности. Он был первым венгерским поэтом, кто (в отсутствие доходов с поместий, что было привилегией дворян) жил на гонорары от писательского труда и даже создал семью, где оба супруга зарабатывали литературой. Петёфи рассматривал создание произведений искусства как современное капиталистическое предприятие: он получал доход, инвестировал знания, подписывал договоры на стихи

⁹ О фланировании как новом явлении городской культуры см.: Benjamin 1982.

¹⁰ См.: Adrovitz, Kalla (szerk.) 2012.

(в том числе еще не написанные). Он стал зачинщиком и лидером первой забастовки венгерских писателей: в 1846 г. десять ведущих венгерских авторов во главе с Петёфи заявили, что отныне будут публиковаться в модных журналах только за достойный гонорар¹¹.

Внешний облик и имидж Петёфи был тесно связан с тенденциями, господствовавшими в его творчестве. Самые популярные стихи в первом сборнике¹² были написаны в фольклорных жанрах. В них лирическим героем является даже не сам поэт, но фольклорный персонаж, который предстает перед читателями в необычной ситуации. Рассказчик в стихотворении «Клин клином»¹³ (*Szeget szeggel*) — маленький мальчик, который украл грушу из соседского сада, в других — пьяницы, готовые все отдать за чарку вина: поэма «Сельский молот» (*A helység kalapácsa*) живописует драку в корчме¹⁴. Эти тексты удивляли современников по ряду причин. С одной стороны, темы и содержание стихов часто могли показаться фривольными: о пьянстве, прелюбодеянии, самоубийстве и насилии в стихах говорилось так, как если бы эти явления, нарушающие социальные нормы, были чем-то обыденным. С другой стороны, в языковом отношении стихи были близки к народной речи и в сравнении с поэтическими практиками того времени почти лишены пафоса. К тому же Петёфи обладал странным, часто болезненным воображением, его метафоры шокировали не только содержанием, но и образным потенциалом. Наконец, Петёфи первым взглянул по-новому на культуру неграмотного простонародья.

В начале XIX в. интерес к культуре простого народа был в Европе повсеместным. Народная культура (популярные, всем известные песни) включала древние тексты, восходящие к фольклорной традиции. В то время она считалась подлинной и сильной, только если основывалась на устном народном творчестве¹⁵. Многие пытались реконструировать древнюю устную поэзию, считавшуюся утерянной, и были те, кто дерзал создавать современную национальную культуру

¹¹ О Петёфи как литературном предпринимателе см.: Margócsy 2011b.

¹² *Petőfi S. Versek 1842–1844*. Buda: A Magyar Kir[ályi]. Egyetem betűivel, 1844. 189 old.

¹³ *Петёфи Ш. Клино клином* / перев. Л. Мартынова // *Собрание сочинений: в 3-х т / сост. А. Кун. Будапешт: Корвина, 1961. Т. 1. Стихи 1842–1847 гг. С. 111–113.*

¹⁴ *Петёфи Ш. Сельский молот* / перев. Л. Мартынова // *Петёфи Ш. Собрание сочинений: в 3-х т / сост. А. Кун. Будапешт: Корвина, 1961. Т. 2. Стихи 1848–1849 гг. Поэмы. С. 177–216.*

¹⁵ Об этом типе национализма см.: Adler 1990.

на осколках этой традиции¹⁶. Петёфи выбрал совершенно иной путь: его стихи были написаны так, как если бы современный поэт говорил утерянным древним фольклорным языком менестрелей. (Например, поэма «Витязь Янош» (*János vitéz*) напоминает народные сказания)¹⁷. Он был одновременно капиталистом от литературы в жизни и менестрелем в мире народной поэзии, который, не испытывая тени сомнения, смешивал в поэзии разные культурные традиции¹⁸. Возможно, в этом кроется причина, почему стихотворения Петёфи пели по всей стране, подбирая к ним разные народные мелодии¹⁹.

Использованный Петёфи поэтический прием состоял в сочетании простонародного языка со сложной метафорикой. Рассмотрим это на конкретном примере. Стихотворение «Раз на кухню залетел я» (*Befordultam a konyhára...*)²⁰ начинается с повседневной ситуации: некто (мужчина) зашел на кухню, чтобы раскурить трубку: во времена, когда еще не было спичек, прикуривали от огня в печи, поэтому в этом поступке нет ничего необычного. Но от этого нейтрального заявления он отказывается уже в первой строфе, заявляя, что трубка уже была раскурена. Речь передана в стихах, но выражения использованы отнюдь не поэтические. Вторая строфа объясняет, почему рассказчик лукавил: на самом деле он всего лишь хотел посмотреть на хорошенькую девушку. Здесь начинается особая поэтическая техника Петёфи: черед метафор, следующих одна из другой. Девушка развела огонь, и в ее глазах вспыхнуло жаркое пламя:

Jaj, de hát még szeme párja,	А глаза-то — словно свечи,
Annak volt ám nagy a lángja!	Обжигали жарче печи!

Так огонь в печи метафорически становится огнем женской красоты. Если девушка — «огонь», она красива и сексуально привлекательна. В последней строфе смешиваются два слоя стихотворения: бытовая сценка и метафорический уровень: в то время как трубка потухла, огонь в глазах девушки зажигает сердце мужчины (он влюбляется).

¹⁶ См.: McDowell 2017: 229–250.

¹⁷ *Петёфи Ш.* Витязь Янош / перев. Б. Пастернака // *Петёфи Ш.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 217–271.

¹⁸ См.: Csörsz 2014.

¹⁹ См.: Kerényi 2022b.

²⁰ *Петёфи Ш.* Раз на кухню залетел я / перев. В. Левина // *Петёфи Ш.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 117.

Én beléptem, ő rám nézett,
Aligha meg nem igézett!
Égő pipám kialudott,
Alvó szívem meggyűladott.

Я вошел, она взглянула,
Душу мне перевернула.
В трубке жар погас недаром:
Сердце вспыхнуло пожаром.

В поэзии Петёфи живописуются будни сельской местности. Поэт так свыкся с ролью, что в 1844 г. выходил на прогулки по городу в народном костюме, чтобы подчеркнуть свое происхождение. При виде его жители Пешта, возможно, думали: вот плоть от плоти дитя народа, в стихах которого звучат народные голоса. Однако Петёфи также манило новое пространство современной культуры — город. Следующий поэтический опыт, новый сборник стихов «Жемчужины любви» (*Szerelem gyöngyei*)²¹, вышел в свет в 1845 г. и стал хроникой одной конкретной любви. Лирический герой — мужчина — обращается к женщине, здесь нет вымышленных персонажей, ситуации не так разнообразны, как ранее. Более того, влюбленную пару, о которой идет речь, трудно представить в сельской местности, только в городе. Мужчина слагает одно за другим 39 любовных стихотворений: он мечтает то об эротическом приключении, то о браке, то тоскует по возлюбленной, которой нет рядом, то обожествляет ее, то сердится. Все вместе это похоже на перечисление возможных вариантов одной поэтической темы. Тем не менее, как и в ранних стихах Петёфи, неизменными остались наивный поэтический голос и метафорические связи, возникавшие из неожиданных поэтических ассоциаций. Рассмотрим, как метафорические структуры перетекают одна в другую в поэме «Если ты цветок» (*Fa leszek, ha...*)²².

Fa leszek, ha fának vagy virága.
Ha harmat vagy: én virág leszek.
Harmat leszek, ha te napsugár vagy...
Csakhogy lényink egyesüljenek.

Если ты цветок — я буду стеблем,
Если ты роса — цветами ввысь
Потянусь, росинками колеблем, —
Только души наши бы слились.

Ha, leányka, te vagy a mennyország:
Akkor én csillaggá változom.
Ha, leányka, te vagy a pokol: (hogy
Egyesüljünk) én elkárhozom.

Если ты, души моей отрада,
Ввысь небес — я превращусь в звезду.
Если ж ты, мой ангел, бездна ада —
Согрешу и в бездну попаду.

²¹ *Petőfi S. Szerelem gyöngyei*. Pest: Nyom. Landerer és Heckenastnál, 1845. 70 old.

²² *Петёфи Ш. Если ты цветок* / перев. Б. Пастернака // *Петёфи Ш. Собрание сочинений*. Т. 1. С. 266.

Женщина всегда метафора, и мужчина пытается ей подражать. Если женщина цветок, мужчина — дерево, если женщина роса, мужчина — цветок, если женщина луч солнца²³, мужчина — роса. Кажется, мужчина хочет догнать женщину, но она все время меняется и ни в одной из метафор не просматриваются ее реальные черты. Конечно, «единение» невозможно. Вторая строфа открывает более широкие горизонты. Сначала женщина — это рай, затем — ад, то есть две крайности верха и низа. Мужчина следует за ней сначала в рай, потом в ад, кульминация поэмы: мужчина проклинает себя, впадает в грех, чтобы воссоединиться с возлюбленной. Это можно понимать двояко: или мы остаемся на метафорическом уровне, как и раньше, мужчина следует за женской метафорой, или любовная связь между обоими героями сама по себе грех, из-за чего оба попадают в ад. Является ли сексуальный контакт раем (поскольку несет высочайшее счастье) или адом (поскольку христианство осуждает любовь вне брака), остается в поэме открытым.

Петёфи был не только народным и буржуазным поэтом, его третья ипостась — это романтическая поэзия. Его влекло одно из направлений европейского романтизма, которое воспевало все, что было страшным и ужасным. Критики Петёфи также не обошли вниманием увлечение поэта готической литературой: прорыв внутреннего мира инстинктов, искушения зла и соблазн плотских желаний, привнесение в мир искусства безумия, сна, апокалипсиса, видений; изображение многолюдного мира ведьм и призраков, расплодившихся на кладбищах и в могилах. Одна из основных особенностей поэзии Петёфи — эпатаж и непредсказуемость, причем зачастую не только в изобразительных решениях, но и в тематике.

25 декабря 1844 г. на рождественском ужине Петёфи познакомился с 15-летней Этелке Чапо. Когда спустя полторы недели поэт вернулся с рождественских каникул, он узнал, что девушка скоропостижно скончалась. Петёфи стал одержим этой трагедией: он присутствовал на погребении, навещал могилу и даже переехал жить в комнату умершей девушки. Так в 1845 г. появилось одно из самых странных произведений венгерской литературы — сборник «Ветви кипариса для гробницы Этелке» (*Cipruslombok Etelke sírjáról*)²⁴.

²³ Эта метафора в переводе Б. Пастернака опущена.

²⁴ *Petőfi S. Cipruslombok Etelke sírjáról*. Buda: Beimer József Betűivel, 1845.

Стихи о любви за гробовой доской возвышают любовь над земным бытием и придают ей метафизическое значение, в то время как поэт, оставшийся в реальном мире, регулярно переживает полученную травму.

Романтическое искусство всегда интересовалось отношениями между земным бытием и inferнальным духовным миром. Лишь сумасшедшие, визионеры и одержимые художники могут внутренним взором проникать в метафизический мир и общаться с потусторонними силами²⁵. Специальным местом перехода между двумя мирами служило кладбище, где по ночам бродят призраки и посвященные могут их встретить. Петёфи увидел в Этелке желанную, идеальную любовь или, по крайней мере, представил себе любовь в ее призрачном облике. Конечно, воспаленное воображение рисовало гипертрафированные, почти болезненные образы:

Ha életében nem szerettem volna	О, если бы не так в нее, в живую,
A szőke fürtök kedves gyermekét:	В светловолосую влюблен я был,
Ővé leendett életem, szerelmem,	Я мог бы в мертвую влюбиться, я бы
Midőn halotti ágyon feküvék.	Ее на смертном ложе полюбил.

Mi szép, mi szép volt a halotti ágyon!	Она лежала там, на смертном ложе,
Mint hajnalban ha fényes hattyu száll,	Прекрасная, как лебедь на заре,
Mint tiszta hó a téli rózsaszálon:	Как чистый белый снег на зимней розе,
Lengett fölötte a fehér halál.	В убранстве смерти, словно в серебре ²⁶ .

В стихотворении подчеркивается, что традиционно мертвое тело не считается красивым. Рассвет, лебедь, чистый снег, роза — все это метафоры, эстетизирующие чистоту и невинность девушки. В то же время образ в последней строке («белая смерть») заставляет задаться вопросом, может ли смерть быть невинной в том же смысле, что и девушка (белый цвет здесь — цвет невинности). Образы красоты спутаны: чистый снег прекрасен; роза прекрасна. Возможно, дело в том, что в конце лета 1844 г. в *Pesti Divatlap* была опубликована заметка о цветах, и в ней были такие слова: «Зимняя роза цветет лишь в теплой оранжерее, подобно карнавальная любви, начинающейся в танцевальной зале и там же угасающей»²⁷.

²⁵ О романтическом воображении см.: Brewer 1997: 56–123.

²⁶ *Петёфи Ш.* О, если бы не так в нее, в живую / перев. Н. Чуковского // *Петёфи Ш.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 228.

²⁷ *Pesti Divatlap*. 1844. VIII 25. № 8.

Однако зимняя роза Петёфи расцветает на снегу, чего не бывает в Центральной Европе.

Другим излюбленным мотивом романтизма XIX в. был фрагмент. Когда читатель, зритель, слушатель знакомится с произведением искусства, он обычно представляет себе нечто целое. Фрагмент осознанно не является целым, поскольку заставляет домыслить целое произведение. В 1846 г. Петёфи опубликовал сборник «Облака» (*Felhők*)²⁸, в который вошли 66 коротких мыслей и афоризмов. Облака находятся высоко в небе, поэтому они могут быть идеями (они высоки и, следовательно, благородны), но они также бесформенны, каждый, подобно Гамлету, дразнившему Полония, видит в них, что захочет. Поэт смотрит вокруг себя и видит метафорические, лингвистические ассоциации, но они постоянно меняются, принимая все новые причудливые формы.

Annyit sem ér az élet,
Mint egy eltört fazék, mit a konyhából
Kidobtak, s melynek oldaláról
Vén koldus nyalja a rászáradt ételt!

Жизнь не стоит даже столько,
Сколько битая кастрюлька,
С дна которой старый нищий
Слизывает крошки пищи²⁹.

В этом стихотворении, помимо прочего, описан парадокс: для рассказчика жизнь ничего не стоит, но в то же время, на другом конце сравнения, для нищего остатки еды, последняя крошка, может быть бесценна. Стоимость жизни оказывается вопросом приоритетов.

Обращение к популярной форме европейского романтизма, в которой короткие предложения и фрагменты текста без заголовков громоздятся одно на другое, свидетельствует о гениальности поэта, их создавшего.

Хотя эти тексты ставят под сомнение саму возможность счастья и успеха (они предельно пессимистичны), именно гениальность, проявившаяся в фрагментах, открывает путь для поэтических новаций. Прием, используемый Петёфи — яркие образы, мышление радикальными противоречиями и парадоксами, шокирующие повороты.

²⁸ *Petőfi S. Felhők.* [Pest]: [s.n.], 1846. 70 old.

²⁹ *Петёфи Ш.* Жизнь не стоит даже столько... / перев. Л. Мартынова // *Петёфи Ш.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 325

имела давнюю патриотическую традицию: поэт говорил от имени и в интересах нации, иногда увещевая соотечественников, иногда передавая желания нации метафизическим силам, другое дело, что далеко не всегда понятно, о чем может просить нация. Петёфи открыто придерживался радикальных взглядов. Образцом для подражания ему служили французские якобинцы, и он объяснял в стихах, что свобода, которая придет на смену рабству, может сделать мир лучше. В стихотворении «Одно меня тревожит...»³² (*Egy gondolat bánt engemet*), например, поработенные народы восстали против угнетения, и лирический герой отдает жизнь в великой войне за свободу всего мира. Война, описанная в стихотворении, глобальная битва, после которой павшие герои похоронены с почестями в братской могиле.

Когда ранней весной 1848 г. по Европе прокатилась волна революций, Петёфи был духовно к ней готов³³. В его стихах уже звучали разные версии революционных идей, и когда народ вышел на улицы Пешт-Буды, поэт был готов к тому, чтобы взять на себя роль лидера. 15 марта 1848 г. революционная толпа ворвалась в одну из типографий, где тут же было напечатано стихотворение Петёфи «Национальная песня»³⁴ (*Nemzeti dal*). Оно стало лейтмотивом революции, его декламировали на улицах и площадях, а вечером родилась мелодия, на которую его можно было петь. Поэт стал героем дня, и на какое-то время показалось, что наконец он сможет осуществить свою политическую программу. Но этого не произошло. Петёфи участвовал в парламентских выборах, но потерпел поражение; действующее Государственное собрание вотирует так называемые «апрельские законы», которые легализовали большинство чаяний эпохи реформ, но отношения между императором-королем и венграми оставались напряженными. Вскоре в стране началась гражданская война: хорваты, сербы, словаки и румыны обратились против мадьяр, и в страну вступила австрийская армия. По примеру венгров в Вене 6 октября 1848 г. разразилось восстание, император Фердинанд бежал в Ольмюц, имперские войска овладели австрийской столицей только

³² Петёфи Ш. Одно меня тревожит... / перев. Л. Мартынова // Петёфи Ш. Собрание сочинений. Т. 1. С. 398–399.

³³ Об истории венгерской революции 1848 г. и ее последствиях см.: Deák 1979.

³⁴ Петёфи Ш. Национальная песня / перев. Л. Мартынова // Петёфи Ш. Собрание сочинений. Т. 2. С. 35–37.

к концу месяца. Обороной Вены руководил польский генерал Юзеф Бем (1794–1850). 2 декабря 1848 г. Фердинанд I отрёкся от престола в пользу племянника Франца Иосифа (1848–1916 гг.). Венгры не признали нового короля, который даже не был коронован, и продолжили адресовать парламентские резолюции Фердинанду. В то время как в Венгрии бушевала война, Франц Иосиф в ответ на сопротивление октроировал (принял в обход парламентских процедур) так называемую мартовскую конституцию, которая низвела Венгрию до ранга обычной имперской провинции. Наконец, 19 апреля 1849 г. венгерский парламент низложил династию Габсбургов.

Для Петёфи выбор был невелик. Его доходы во время войны сократились, к тому же в семье родился сын. Хотя поэт располагал действующими договорами с издателями на публикацию стихов, газеты и журналы либо прекратили существование во время войны, либо не платили гонораров, и возможности зарабатывать денег писательским трудом не стало. В дни национально-освободительной войны Петёфи служил в армии простым солдатом и продолжал писать воодушевляющие песни для венгерских войск. Он пытался продать военные песни и таким образом конвертировать прежнюю роль символа революции в политические преимущества, как в дни войны. Дело осложнялось тем, что Петёфи с трудом приспособился к армейской жизни. Он не соблюдал воинскую дисциплину, не носил постоянно униформу, оставлял расположение части без разрешения, и когда командиры просили дать отчет о проступках, писал жалобы в газеты. Наконец, в начале 1849 г. Петёфи попросил перевести его в части под командованием Бема³⁵. Этот генерал имел международное признание, ранее сражался за свободу поляков, командовал обороной революционной Вены и помогал венграм в Трансильвании. Поскольку Бем не знал венгерского и плохо говорил по-немецки (это был командный язык армии), ему требовался секретарь для ведения рутинного делопроизводства. Петёфи стал переводчиком Бема, составлял для него проекты писем, переводил его распоряжения.

Австрийская имперская армия не смогла одержать победу над венгерскими гонведами³⁶, Бем оттеснил ее в Трансильванию. В апреле

³⁵ О личности Ю. Бема подробнее см.: Kovács 2009.

³⁶ *Гонвед* (венг. *honvéd*) — солдат революционной национальной гвардии, буквально «защитник отечества».

1849 г. российский император Николай I в ответ на просьбу венского двора принял решение о направлении войск на помощь Австрийской империи³⁷. В кратчайшие сроки около 200 тыс. солдат пересекли границу Венгрии. Обе империи уже сотрудничали в 1846 г., когда совместными усилиями подавили восстание в Галиции, и царь опасался, что революция может перебраться на другие регионы, в том числе в его собственной империи. В 1848 г. он вторгся в Молдавию и Валахию по приглашению молдавского господаря Михаила Стурдзы (1794–1884). Османская империя была слишком слаба, чтобы подавить румынскую революцию. Оттуда российские войска были переброшены дальше на запад, в Трансильванию. Революция в Вене также разожгла страхи царя (даже если Габсбурги быстро справились с ситуацией); его особенно заботило, что венгерская армия, в которой не хватало кадровых офицеров, пригласила в свои ряды польских эмигрантов, не только Бема, но и Юзефа Высоцкого (1809–1873) и Мечислава Вороневского (1825–1849) и др. Российский самодержец опасался, что из-за вновь охваченной революцией Галиции и в случае победы венгров войска под командованием польских генералов повернут оружие против русских. Поэтому он решил действовать на опережение³⁸.

Хотя численное преимущество австрийцев и русских могло показаться большим, венгры не теряли надежды на победу. 21 мая 1849 г. два императора, Франц Иосиф и Николай I встретились в Варшаве, но не смогли договориться по вопросу об объединенном командовании войсками. Русская армия под командованием генерал-фельдмаршала князя Ивана Федоровича Паскевича (1782–1856) действовала независимо от австрийцев³⁹. Интервенция фактически началась 17 июня 1849 г., и венгры сложили оружие перед русскими (чтобы не признавать поражение от австрийцев) 13 августа после поражения при Вилагоше.

В одном из последних военных стихотворений «На священную войну!» (*Föl szent háborúra!*) Петёфи создал апокалиптическую картину последней войны и призвал всех к оружию.

³⁷ См.: Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность / по изданным источникам составил Генерального штаба генерал-майор князь А. П. Щербатов. СПб.: Типография, литография Р. Голике, 1888; Roberts 1991; Рошонци И., Стыкалин 2022.

³⁸ См.: Roberts 1991: 8–35.

³⁹ Рошонци 2018.

Itt a próba, az utolsó	Это испытание, последнее
Nagy próba;	Большое испытание.
Jön az orosz, jön az orosz,	Идет русский, идет русский
Itt is van már valóba'.	Теперь он уже действительно здесь.
Eljött tehát az utolsó	Приходит, следовательно,
Itélet,	Последний суд,
De én attól sem magamért,	Но я оттого ни за себя,
Sem hazámért nem félek.	Ни за свою родину не боюсь ⁴⁰ .

В последнем стихотворении «Ужаснейшие времена»⁴¹ (*Szörnyű idő*) Петёфи как будто говорит о собственной ранней патриотической лирике: если кто-то выживет в войне и сможет рассказать, как все было на самом деле, его слова сочтут бредом умалишенного, испуганного, сбитого с толку человека.

S ha elbeszéli úgy, amint	А если хватит слов, так все ж
Megértük ezeket mi mind:	Ему ответят: “Это ложь!
Akad-e majd,	Ведь это бред,
Ki ennyi bajt	Чтоб столько бед
Higgyen, hogy ez történet?	Наваливалось разом!”
És e beszédet nem veszi	И, выслушав рассказ такой,
Egy örült, rémülésteli,	Подумают, махнув рукой,
Zavart ész meséjének?	Что помутился разум!

В стихах Петёфи не раз использовал апокалиптические образы, но здесь он сомневается, способна ли поэзия рассказать о полном разрушении.

Петёфи участвовал в одном из последних сражений, проигранных гонведной армией — 31 июля 1849 г. при Шегешваре. Бем приказал ему покинуть поле боя, но поэт вновь не подчинился, поскольку хотел все видеть собственными глазами. Не исключено, что он прикнул к отступавшим венгерским частям и был убит русским солдатом. Тело поэта так и не было найдено (вероятно, его похоронили в братской могиле). Это стало основой его культа во второй половине XIX в. Возвращения Петёфи ждали годами, и время от времени объявлялись самозванцы, называвшие себя его именем. Однако через некоторое время стало ясно, что один из зачинателей революции ушел

⁴⁰ Цит. по: <https://pulemjotov.livejournal.com/475383.html>.

⁴¹ *Петёфи Ш. Ужаснейшие времена* / перев. Л. Мартынова // *Петёфи Ш. Собрание сочинений*. Т. 2. С. 172–173.

вместе с войной. Так родилась максима: судьба Петёфи — это судьба венгерской нации.

Выше говорилось о том, сколь успешно поэт использовал средства общения с читательской аудиторией, как он сознательно строил поэтический образ, как поразительные художественные приемы его лирики работали на образ гения, не подчиняющегося социальным нормам. Петёфи возник на культурном горизонте, когда открылись новые возможности, и воспользовался ими в полной мере. Он сознательно формировал свой имидж и создал образ пламенного революционера, но трагедия его жизни заключалась в том, что ее оборвало историческое событие, которое он так страстно призывал.

Литературная биография Петёфи выдает в нем нетипичного представителя своего времени, и все-таки он стал фигурой, определившей эпоху. В чем парадокс? Может ли писатель сочетать в себе нетипичные и типичные черты? В XIX в. литература была важнейшей формой художественного творчества. Когда судьба нации оказывалась в опасности, писатели обращались к традициям народной культуры в силу широко распространенного в Центральной Европе мнения, что нация сильна только если чтит культурные традиции, уходящие корнями в прошлое. Современники Петёфи жарко спорили, как литература может приспособить древнюю народную традицию для создания на ее основе великой нации. Старшие современники Петёфи, в том числе наставник молодого поэта, делавшего первые шаги в литературе, Михай Вёрёшмарти (1800–1855), полагали, что венгерская народная традиция погибла в ходе драматических событий национальной истории, но ее можно воссоздать с помощью романтического воображения. Его великая поэма «Бегство Залана» (*Zalán futása*) стала самой значимой попыткой воплотить в жизнь эту программу. С другой стороны, Янош Арань (1817–1822), друг Петёфи, считал, что усилиями лингвистов можно возродить национальный эпос из уцелевших фрагментов. Для него было исключительно важно сохранить филологическую аутентичность собственных стихов. При всех различиях, однако, и Вёрёшмарти, и Арань были озабочены реконструкцией прошлого.

Нетипичность Петёфи видится в том, что ему чужды любые проявления историзма. Он был революционером, мечтавшим о строительстве нового общества: в стихах он обращался к поэтической традиции, но не придерживался ее. Неясно, что поэт имел в виду, когда

писал о «народе». Можно ли дать социологическое определение этому «народу»? Состоял ли он из крестьян? Или из венгров? Народная культура для Петёфи была сырьем, источником бесчисленного множества тем и мотивов. Его смелые поэтические инновации захватывали дух, и ему удалось создать принципиально новую модель национальной поэзии. Этот безоглядный поэтический кураж убеждал современников в том, что Петёфи *не осмысляет* традицию, но «естественным образом» *использует* ее.

Безграничный пиетет, с которым современники относились к Петёфи, превратил его фигуру в культовую. Он стал символом и воплощением судьбы нации. Хотя в первой половине XIX в. поэт был противоречивой, взрывной личностью, культ сотворил из него героя на пьедестале — всегда честного, всегда действовавшего в интересах нации и встречавшего поддержку в обществе. Так сложился историографический парадокс: Петёфи мало походил на современных ему поэтов, но именно он стал типичным венгерским поэтом XIX в.

Перевод с английского О. В. Хавановой

Список исторических географических названий

Вилагош — ныне Ширия в Румынии
Ольмюц (нем.) — ныне Оломоуц в Чехии
Пешт-Буда — ныне Будапешт
Шегешвар — ныне Сигишоара в Румынии

Литература

- Блум 1998 — *Блум Х.* Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. 354 с.
- Рошонци 2018 — *Рошонци И.* Роль железнодорожного сообщения в оказании Россией военной помощи Австрии в мае 1849 г. // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2018. Т. 13. № 3–4. С. 32–49.
- Рошонци, Стыкалин 2022 — *Рошонци И., Стыкалин А. С.* Венгерская кампания русской армии 1849 года: Диалог о проблемах и исследованиях. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. 104 с.
- Adler 1990 — *Adler H.* Die Prägnanz des Dunklen: Gnoseologie, Ästhetik, Geschichtsphilosophie bei J. G. Herder. Hamburg: F. Meiner, 1990. 188 S.
- Adrovitz, Kalla (szerk.) 2012 — *Arc poetica. Petőfi Sándor életében készült képmásai / szerk. A. Adrovitz, Zs. Kalla.* Budapest: Petőfi Irodalmi Múzeum, 2012. 123 old.

- Benjamin 1982 – *Benjamin W.* Paris, die Hauptstadt des XIX. Jahrhunderts // *Benjamin W.* Gesammelte Schriften / hrsg. von R. Tiedemann. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. Bd. 5. T. 1. S. 45–59.
- Bloom 1973 – *Bloom H.* The anxiety of influence. A theory of poetry. New York: Oxford University Press, 1973. 208 p.
- Brewer 1997 – *Brewer J.* The pleasures of the imagination. English culture in the eighteenth century. New York: Farrar Straus and Giroux, 1997. 576 p.
- Csörsz 2014 – *Csörsz R. I.* Pönögei Kis Pál, avagy Petőfi és a közköltészet // Ki vagyok én? Nem mondom meg. Tanulmányok Petőfiről / szerk. M. Szilágyi. Budapest: Petőfi Irodalmi Múzeum, 2014. 203–226. old.
- Dávidházi 1990 – *Dávidházi P.* A hatalom eredetmondái Petőfi utóéletében // Irodalomtörténeti Közlemények. 94. köt. 3. sz. 341–359. old. 15–51.
- Deák 1979 – *Deák I.* The lawful revolution. Louis Kossuth and the Hungarians, 1848–1849. New York: Columbia University Press, 1979. 415 p.
- Evans 2006 – *Evans R. J. W.* Empire and Kingdoms. Hungary and Bohemia in the Monarchy, 1741–1871 // *Evans R. J. W.* Austria, Hungary, and the Habsburgs. Essays on Central Europe, c. 1683–1867. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 193–208.
- Greenblatt 1980 – *Greenblatt S.* Renaissance self-fashioning. From More to Shakespeare. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 332 p.
- Kecskeméti 1989 – *Kecskeméti Ch.* La Hongrie et le réformisme libéral. Problèmes politiques et sociaux (1790–1848). Roma: Il Centro di Ricerca, 1989. 414 p.
- Kerényi 2008 – *Kerényi F.* Petőfi Sándor élete és költészete. Kritikai életrajz. Budapest: Osiris, 2008. 535 old.
- Kerényi 2022a – *Kerényi F.* A Petőfi-kultusz korai szakaszának szociológiájából (1844–1867) // *Kerényi F.* Vörösmarty – Petőfi – Madách. Tanulmányok / szerk. T. Császtvay, J. Gyurgyák, M. Szilágyi. Budapest: Osiris, 2022. 169–188. old.
- Kerényi 2022b – *Kerényi F.* A Petőfi-kultusz korai szakaszának szociológiájából (1844–1867) // *Kerényi F.* Vörösmarty – Petőfi – Madách. Tanulmányok / szerk. T. Császtvay, J. Gyurgyák, M. Szilágyi. Budapest: Osiris, 2022. 189–194. old.
- King 2001 – *King J.* The nationalization of East Central Europe. ethnicism, ethnicity, and beyond // Staging the past. The politics of commemoration in Habsburg Central Europe, 1848 to the present / ed. by M. Bucur, N. M. Wingfield. W Lafayette (IN): Purdue University Press, 2001. P. 112–152.
- Kiss 1990 – *Kiss J.* “A szibériai legenda mint a naiv népi Petőfi-kultusz terméke” // Irodalomtörténeti Közlemények. 1990. 93. évf. 3. sz. 323–340 old.
- Kovács 2009 – *Kovács I.* József Bem. Bohater wiecznych nadziei. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2009. 304 s.
- Kovács 2003 – *Kovács L.* Csalóka lidércfény nyomában. A szibériai Petőfi-kutatás csődje. Budapest: Argumentum, 2003. 568 old.

- Magnússon, Szijártó 2013 — *Magnússon S. G., Szijártó I. M.* What is microhistory? Theory and practice. London; New York: Routledge, 2013. 192 p.
- Margócsy 2011a — *Margócsy I.* A Petőfi-kultusz határtalanságáról // *Margócsy I.* Petőfi-kísérletek — Tanulmányok Petőfi Sándor életművéről. Pozsony [Bratislava]: Kalligram, 2011. 15–51. old.
- Margócsy 2011b — *Margócsy I.* Petőfi és az irodalmi gépezet. Petőfi mint modern polgári író // *Margócsy I.* Petőfi-kísérletek — Tanulmányok Petőfi Sándor életművéről. Pozsony [Bratislava]: Kalligram, 2011. S. 52–79. old.
- Margócsy (szerk.) 2022 — Petőfi Sándor emlékezete / szerk. I. Margócsy. Budapest: Osiris, 2022. 644 p.
- McDowell 2017 — *McDowell P.* The Invention of the Oral: Print Commerce and Fugitive Voices in Eighteenth-Century Britain. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017, 368 p.
- Roberts 1991 — *Roberts I. W.* Nicholas I and the Russian Intervention in Hungary. London: Palgrave Macmillan, 1991. 301 p.
- Szilágyi 2021 — *Szilágyi M.* “Petőfi, a polgár” // *Szilágyi M.* A Magyar romantika ikercsillagai. Jókai Mór és Petőfi Sándor. Budapest: Osiris, 2021. 25–36. old.
- Vaderna 2020 — *Vaderna G.* Budapest as a product of the Biedermeier imagination // *The Palgrave encyclopedia of urban literary studies* / ed. by J. Tambling. Cham: Springer-Verlag, 2020. Vol. 1. P. 303–312.
- Vermes 2014 — *Vermes G.* Hungarian culture and politics in the Habsburg Monarchy 1711–1848. Budapest; New York: CEU Press, 2014. 396 p.

References

- Adler, H., 1990. *Die Prägnanz des Dunklen: Gnoseologie, Ästhetik, Geschichtsphilosophie bei J. G. Herder.* Hamburg: F. Meiner, 188 p.
- Adrovitz, A., Kalla, Zs., eds, 2012 *Arc poetica. Petőfi Sándor életében készült képmásai* Budapest: Petőfi Irodalmi Múzeum, 123 p.
- Benjamin, W., 1982. Paris, die Hauptstadt des XIX. Jahrhunderts. In: Benjamin, W.; Tiedemann, R., ed. *Gesammelte Schriften.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 5, 1, pp. 45–59.
- Bloom, H., 1973. *The anxiety of influence. A theory of poetry.* New York: Oxford University Press, 208 p.
- Blum [Bloom], Kh., 1998. Strakh vliianiia. Karta perechityvaniia [Anxiety of influence. A Map of misreading]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 364 p. (in Rus.)
- Brewer, J., 1997 *The pleasures of the imagination. English culture in the eighteenth century.* New York: Farrar Straus and Giroux, 576 p.
- Csörsz, R. I., 2014. Pönögei Kis Pál, avagy Petőfi és a közköltészet. In: Szilágyi, M., ed. *Ki vagyok én? Nem mondom meg. Tanulmányok Petőfiről.* Budapest: Petőfi Irodalmi Múzeum, pp. 203–226.

- Dávidházi, P, 1990. A hatalom eredetmondái Petőfi utóéletében. *Irodalomtörténeti Közlemények*, 94, 3, pp. 341–359.
- Deák, I., 1979. *The lawful revolution. Louis Kossuth and the Hungarians, 1848–1849*. New York: Columbia University Press, 415 p.
- Evans, R.J.W., 2006. Empire and kingdoms. Hungary and Bohemia in the Monarchy, 1741–1871. In: Evans, R.J.W. *Austria, Hungary, and the Habsburgs. Essays on Central Europe, c. 1683–1867*. Oxford: Oxford University Press, pp. 193–208.
- Greenblatt, S., 1980. *Renaissance self-fashioning. From More to Shakespeare*. Chicago: University of Chicago Press, 332 p.
- Kecskeméti, Ch., 1989. *La Hongrie et le réformisme libéral. Problèmes politiques et sociaux (1790–1848)*. Roma: Il Centro di Ricerca, 414 p.
- Kerényi, F., 2008. *Petőfi Sándor élete és költészete. Kritikai életrajz*. Budapest: Osiris, 535 p.
- Kerényi, F., 2022. A Petőfi-kultusz korai szakaszának szociológiájából (1844–1867). In: Kerényi, F.; Császtvay, T., Gyurgyák, J., Szilágyi, M., eds. *Vörösmarty – Petőfi – Madách. Tanulmányok*. Budapest: Osiris, pp. 169–188.
- Kerényi, F., 2022. — *Kerényi F. A Petőfi-kultusz korai szakaszának szociológiájából (1844–1867)* In: Kerényi, F.; Császtvay, T., Gyurgyák, J., Szilágyi, M., eds. *Vörösmarty – Petőfi – Madách. Tanulmányok*. Budapest: Osiris, pp. 189–194.
- King, J., 2001. The Nationalization of East Central Europe. Ethnicism, ethnicity, and beyond. In: Bucur, M., Wingfield, N.M. eds. *Staging the past. The politics of commemoration in Habsburg Central Europe, 1848 to the present*. W Lafayette (IN): Purdue University Press, pp. 112–152.
- Kiss, J., 1990. A szibériai legenda mint a naiv népi Petőfi-kultusz terméke. *Irodalomtörténeti Közlemények*, 94, 3, pp. 323–340.
- Kovács, I., 2009. *Józef Bem. Bohater wiecznych nadziei*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 304 p.
- Kovács, L., 2003. *Csalóka lidércfény nyomában. A szibériai Petőfi-kutatás csődje*. Budapest: Argumentum, 568 p.
- Magnússon, S. G., Szijártó, I. M., 2013. *What is microhistory? Theory and practice*. London; New York: Routledge, 2013, 192 p.
- Margócsy, I., 2011. A Petőfi-kultusz határtalanságáról. In: Margócsy, I. *Petőfi-kísérletek – Tanulmányok Petőfi Sándor életművéről*. Pozsony [Bratislava]: Kalligram, pp. 15–51.
- Margócsy, I., 2011. Petőfi és az irodalmi gépezet. Petőfi mint modern polgári író. Margócsy, I. *Petőfi-kísérletek – Tanulmányok Petőfi Sándor életművéről*. Pozsony [Bratislava]: Kalligram, pp. 52–79.
- Margócsy, I., ed., 2022. *Petőfi Sándor emlékezete*. Budapest: Osiris, 644 p.
- McDowell, P., 2017. *The invention of the oral. Print commerce and fugitive voices in eighteenth-century Britain*. Chicago; London: University of Chicago Press, 368 p.

- Roberts, I. M., 1991. *Nicholas I and the Russian intervention in Hungary*. London: Palgrave Macmillan, 301 p.
- Roshontsi [Rosonczy], I., 2018. Rol' zheleznodorozhnogo soobshcheniia v okazanii Rossiei voennoi pomoshchi Avstrii v mae 1849 g. [The role of railway communication in providing Russian military support for Austria in May 1849]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 13, 3–4. pp. 32–49. (in Rus.)
- Roshontsi [Rosonczy], I., Stykalin, A. S., 2022. *Vengerskaia kampaniia russkoi armii 1849 goda: Dialog o problemakh i issledovaniiax* [The Hungarian campaign of the Russian army in 1849. A dialogue on the research problems]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint-Petersburg: Nestor-History, 104 p. (in Rus.)
- Szilágyi, M., 2021. Petőfi, a polgár. In: Szilágyi, M. *A Magyar romantika ikercsillagai. Jókai Mór és Petőfi Sándor*. Budapest: Osiris, pp. 25–36.
- Vaderna, G., 2020. Budapest as a product of the Biedermeier imagination. In: J. Tambling, ed. *The Palgrave encyclopedia of urban literary studies*. Cham: Springer-Verlag, 1, pp. 303–312.
- Vermes, G., 2014. *Hungarian culture and politics in the Habsburg Monarchy 1711–1848*. Budapest; New York: CEU Press, 396 p.

Gábor VADERNA

PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Hungarian Literature and Cultural Studies, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary. 1088, Múzeum krt 4/A.
E-mail: vадerna.gabor@btk.elte.hu

Sándor Petőfi: the Story of a Literary Career in Nineteenth-Century Hungary

Sándor Petőfi (1823–1849) is the best-known Hungarian poet. It was not only the innovative poetic tools of his poetry that caused a stir among his contemporaries, but also his radical political thinking. In recent decades, three trends have dominated literary research: close readings of the poems by Petőfi have shown what radical poetic tools he used to create the language of modern Hungarian poetry. The second direction deals with the influence of Petőfi and reveals how the Hungarian national memory policy conjured him up as a historical figure. The third direction explores the poet's biography in various socio-historical contexts. Through the analysis of Petőfi's career, it is also possible to examine what opportunities nineteenth-century Hungarian intellectuals had to advance their careers. This essay presents Petőfi's career from a socio-historical perspective, while also touching on issues of cult history and literary history poetry.

Keywords: career of a poet, social mobility, Romanticism, age of reforms, revolution of 1848, bourgeois society

How to cite: Vадerna, G., 2023. Shandor Petefi [Sándor Petőfi]: istoriia literaturnoi kar'ery v Vengrii 19 v. *Central-European Studies*, 6, pp. 63–86. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.3>.